

Уроки пения Фанни Ардан

Культура.
1997.

22 февр. - с. 14

“ЗВЕЗДА” С “ЗВЕЗДОЮ” ГОВОРИТ

Оставив сцену, Мария Каллас давала уроки пения в Нью-Йорке. Этот этап жизни великой певицы был отражен в спектакле, получившем признание театральной критики. Он и сейчас идет в одном из бродвейских театров. За французскую же интерпретацию пьесы взялся Пьер Лавиль, в свое время адаптировавший “Идеального мужа” Оскара Уайльда и “Кто боится Вирджинии Вульф?” Эдварда Олби. Постановку “доверили” Роману Полански, последний раз работавшему над драматическим спектаклем в 1981 году (“Амагей”). Роль Марии Каллас сыграла Фанни Ардан, которая в интервью корреспонденту французского журнала “Пари-матч” рассказывает о своем участии в спектакле “Мастер-класс, урок пения с Марией Каллас”.

Мария Каллас

Фанни Ардан в роли богини оперы.

Фото из итальянского еженедельника “Орфей”

Подготавливая себя к роли Марии Каллас, пытались ли вы понять особый мир оперного искусства?

— Нет, я не пыталась проникнуть ни в мир оперы, ни в мир самой певицы. Урок пения — это только условность, ведь речь идет не о документальном следовании фактам. Моя задача заключалась не в имитации, а в описании характера актрисы, ее видения окружающего мира.

— Пьеса посвящена судьбе певицы, пожертвовавшей всем ради искусства.

— Когда Каллас было 15 лет, она дала себе слово, что станет величайшей певицей мира. Так и случилось, она посвятила всю себя карьере актрисы и практически никогда не жила полнокровно. Когда же она попыталась вернуться к нормальной жизни, это ей уже не удалось. День, когда Мария встретила “рокового” для нее человека — Аристотеля Онассиса — предопределил ее судьбу.

— Легко ли было работать с Романом Полански как с режиссером театрального?

— Да, но, скорее, даже не как с режиссером, а как с актером. Он ничего не навязывал, только предлагал. Мне импонируют его ироничность, чувствительность и острый ум.

— Что помогает вам воплощать образ оперной дивы?

— Для меня главное, что Каллас — прежде всего актриса, и это нас сближает. Между тем я не верю, что можно перечеркнуть все ради любви.

— От ваших слов может разбиться вдребезги любая романтическая мечта...

— Напротив. В 15-летнем возрасте я мечтала о собственном доме, машине и нарядах, но это не означает, что я была готова пожертвовать всем ради этого. К примеру, я не соглашаюсь сниматься в рекламе — мне это претит. Ведь главное — быть в согласии с самим собой, тогда и старость не страшна.

— Действительно не страшна?

— Абсолютно. Старость — это что-то вроде тяжелой каменной глыбы, которую я все время вижу на своем горизонте...

Твердо уверена в одном — ни в коем случае нельзя предавать собственную мечту, даже ради любых благ на свете.

— Ваши ощущения на драматической сцене отличаются от проживания роли на съемочной площадке?

— Театр всегда напоминал мне цирк, в котором дрессировщики заставляют хищников прыгать через горячие кольца. Артисты пропускают через пламя собственные эмоции. В кино зрителю преподносится реальность — та же обстановка, тот же шум улицы, который его окружает в действительности. В театре же все “выстроено”, кроме, конечно, чувств актера.

— Вы больше преданы театру или кино?

— Я получаю удовольствие и от того, и от другого. Техника может быть различной, но суть одинакова. В театре нужна особая система дыхания, сродни спортивной. В кино артист может несколько часов готовиться к сцене, которую должен отыграть перед камерой за одну минуту. Кино сиюминутно, а театр — это долгий марафон.

Подготовила Нара ШИРАЛИЕВА